

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Национальный парк «Водлозерский»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozhevnikova@gmail.com

ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ ГРОБНИЦ МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

А н н о т а ц и я . На основании новых архивных документов впервые рассматривается вопрос об официальном освидетельствовании гробниц и мест захоронений местночтимых святых Олонецкого уезда в 1721 и 1722 годах, проведенном по синодальному указу настоятелем Александро-Свирского монастыря архимандритом Кириллом. Выявленные письменные источники содержат важные сведения о том, как на локальном уровне воплощались петровские нововведения в церковной сфере. Принятые в первой четверти XVIII века новые законы о «несвидетельствованных гробах» нарушали сложившиеся в многочисленных российских монастырях благочестивые традиции почитания местных святых и не позволяли епархиальным архиереям прославлять новых подвижников. Выясняется, что обнаруженные в ходе проведенных в 1721 и 1722 годах раскопок в монастырях костные останки не были восприняты участниками их освидетельствования как «нетленные мощи». Упомянутые в документах мемориальные храмы, стоявшие над могилами родоначальников монастырей, молитвенные и агиографические тексты, составленные в их честь, а также существовавшие иконы с изображением подвижников подтверждают факт установленного к началу 1720-х годов местного празднования памяти основателей Задней Никифоровой, Андрусовой и Сяндемской пустыней Олонецкого уезда.

К л ю ч е в ы е с л о в а : местночтимые святые, Петр I, монастыри, Олонецкий уезд, Александро-Свирский монастырь, Андрусова пустынь, Сяндемская пустынь, Задняя Никифорова пустынь, мощи

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034. Искренняя признательность за помощь М. М. Шахновичу.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кожевникова Ю. Н. Освидетельствование гробниц местночтимых святых Олонецкого уезда в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 84–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.660

ВВЕДЕНИЕ

Почитание святых, прославленных своими прижизненными подвигами и посмертными чудотворениями, является важной частью православного благочестия. По представлениям верующих, «честные останки» (мощи) подвижников после их кончины сохраняют особую связь с Духом Святым, поэтому к ним относятся с особым благоговением [2: 268]. Кроме общероссийских святых, в пределах отдельных епархий с разрешения правящих епископов чтились местные подвижники: им устанавливались празднования в определенный день, сочинялись жития и молитвенные тексты, они изображались на иконах. Части из них служились только панихиды и заупокойные литургии (не молебны). Мощи большинства таких святых находились «под спудом», то есть в земле, и никогда не были открыты. Над их могилами сооружались гробни-

цы-кенотафы в подражание ракам¹ с обретенными мощами и строились часовни².

В первой четверти XVIII века в монастырях Олонецкого уезда³ все местночтимые подвижники в чине преподобных иноков покоились «под спудом», а места их погребений отмечали простые деревянные гробницы, укрытые покровами. «Открыто почивали» мощи только общероссийского святого, преподобного Александра Свирского. Они были обретенны в 1641 году в созданном им монастыре при строительстве Преображенской церкви и положены для поклонения верующих в серебряную раку⁴.

В краеведческой литературе второй половины XIX века можно встретить скудные сведения на предпринятое по указанию Петра I освидетельствование мощей некоторых местночтимых святых⁵. Вопросы о причинах беспрецедентного для Олонецкого края осмотра гробниц подвижников, обстоятельствах его проведения, сама

процедура освидетельствования отечественными исследователями ранее не изучались.

Сохранившиеся в фонде Новгородской духовной консистории документы (ГАНУ. Ф. 480) – синодальные указы, отправленные на имя епархиального архиерея, распоряжения Новгородского архиерейского разряда и рапорт «заказчика» настоятеля Александро-Свирского монастыря архимандрита Кирилла о результатах его поездки по монашеским обителям – подтверждают факт освидетельствования гробниц местночтимых святых и предоставляют новые уникальные сведения о важных для уездного монашества событиях церковной жизни первой четверти XVIII века. Данная статья продолжает цикл работ по изучению монастырей и монашества Олонецкого уезда в Петровскую эпоху [7], [8].

* * *

Несколько предварительных замечаний о «нетленных мощах». Как утверждает Е. Е. Голубинский со ссылкой на жития святителя Антония Новгородского и других древнерусских святых, в XV–XVII веках вслед за греческой традицией слово «мощи» означало кости, а под «нетленными мощами» подразумевались целые (нераспавшиеся) скелеты⁶. При этом для канонизации усопшего подвижника не требовалось обрести его «честные останки»: главным признаком святости всегда был дар чудотворения. В редких случаях мощи представляли собой «целые тела», не подверженные тлению, что считалось только дополнительным доказательством особой близости умершего человека к Богу.

Когда нетленность («целость») тела святого после его кончины наряду с благоуханием стала восприниматься верующими как непереносимое доказательство подлинно благочестивой жизни? Вопрос остается дискуссионным в отечественной историографии. Г. П. Федотов полагает, что «неправильное представление» о мощах укрепилось в народном сознании в синодальный период [14: 15]. А. С. Лавров говорит о смешении «рационалистических идей» проводившихся Петром I церковных реформ и сложившегося «народного взгляда на нетленность» [9: 209]. По мнению П. Г. Рогозного, уже во второй половине XVI века нетление рассматривалось как основной показатель святости [13: 993].

Корни православной традиции благоговейного отношения к «честным останкам» подвижников уходят в историю ранней Церкви и связаны с почитанием останков первомучеников, которое получает юридическое оформление во втором правиле Карфагенского собора 345–348 годов. Как особые святыни мощи требовались для ос-

вящения новых храмов: после 7-го Вселенского собора (787 год) их обязательно закладывали в основание престола, устанавливаемого в середине алтаря. Византийские духовные и светские власти стремились регламентировать сложившиеся обычаи поклонения реликвиям, частицы которых могли быть церковной собственностью или находиться в частном владении. В начале V века принимаются первые законы по борьбе с фальсификацией мощей⁷. Святитель Августин Блаженный говорил о необходимости доказательств их подлинности и свидетельства о подвигах мученика [3].

Византийское гражданское право запрещало самочинное «гробокопательство» с целью получения мощей и предусматривало суровые наказания вплоть до смертной казни виновника. Церковь, в свою очередь, жестко наказывала за разорение погребений святых многолетним отлучением от участия в таинствах. Для разрешения противоречия между законодательством и сложившейся практикой были внесены поправки в законы «о разорении могил». Благодаря им уже существовавшие реликвии могли разделяться, а могилы святых раскапываться для обретения новых святынь, но только с разрешения иерархов и светских властителей [3: 66–69].

Русская православная церковь с середины XVII века также стремится упорядочить сложившиеся на местах практики почитания реликвий. Вопрос о «нетленных телесах» рассматривался на Московском соборе 1667 года, одно из постановлений которого призывало различать истинные и ложные (то есть никем не освидетельствованные) святыни: «*нетленных телес обретающихся в нынешнем времени да не дерзаете кроме достоверного свидетельства и соборного повеления во святых почитать*»⁸. Считалось, что подлинные останки святого источают чудеса и благоухают. Верным же признаком покойника, отлученного при жизни от Церкви, было его неразложившееся тело безобразного вида и с дурным запахом. С XVI века существовали подробные инструкции для различения останков праведника и находившегося под анафемой грешника, которого «не принимала земля» [3: 69–70]. Только в конце XVIII века преподобный Никодим Святогорец осторожно заметит, что физическое состояние тела умершего может зависеть от характеристик почвы и других природных факторов [3: 70].

В первой четверти XVIII века важной частью петровской церковной реформы стало ужесточение борьбы с объяснимым стремлением приходского духовенства и монастырского начальства иметь «честные останки» местных святых, кото-

рые привлекали бы паломников и богомольцев: *«священники или монахи спешили объявлять их за святые мощи, чтобы от пения над ними панихид или молебнов получать доход»*⁹.

В 1716 году по решению Петра I в текст обещания (присяги), произносившегося епископами при хиротонии, вносятся существенные дополнения с целью религиозного дисциплинирования духовенства и мирян [5: 201–204]. Одним из новых его пунктов правящие архиереи обязывались следить за поведением верующих, *«дабы неведомых и от Церкви несвидетельствованных гробов за святыню не почитали»*¹⁰, и наказывать их за поклонение мощам непрославленных подвижников. Копии обновленного архиерейского обещания рассылались во все епархии с разъяснением, что его должны принести и «преждепоставленные» епископы, чья хиротония состоялась ранее 1716 года.

В «Духовном Регламенте» (1720 год) от епископов требуется *«о мощах святых, где какия явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и о сем наплутано»*¹¹. Они должны были искоренять все суеверия, связанные с почитанием местных подвижников, подлинность мощей которых не была официально подтверждена духовными властями или тела которых не были обреты, а *«почивали под спудом»*¹².

Принятые при Петре I законы о «несвидетельствованных гробах» нарушали сложившиеся в многочисленных российских монастырях благочестивые традиции почитания местных святых и не позволяли архиереям прославлять новых подвижников. Так, в 1721 году в Олонецком уезде синодальным указом было запрещено поклоняться могиле некоего монаха Маркелла, подвизавшегося и погребенного в Александровском монастыре предположительно во второй половине XVII века¹³.

Настоятелем Александровского монастыря в то время был недавно назначенный архимандрит Кирилл, выбранный в конце 1719 года из числа насельников «образцового» Александровского монастыря в Петербурге, который создавался под особым надзором царя-реформатора¹⁴. Прежний архимандрит Александр (Пахомов), обвинявшийся в серьезных государственных преступлениях¹⁵, был расстрижен 8 января 1720 года, подвергнут страшным пыткам и колесован по личному указанию Петра I¹⁶.

Архимандрит Кирилл, помня о трагической судьбе предшественника, предусмотрительно оповестил епархиального архиерея о народном обычае почитания монаха Маркелла. В своем донесении от 14 июля 1721 года он сообщает нов-

городскому архиепископу Феодосию (Яновскому) о том, что у них *«в роще под березою»* стоит малая деревянная часовня, в которой будто бы *«въ давнехъ летехъ»* погребено тело монаха Маркелла, которого окрестные крестьяне считали святым¹⁷. Неизвестный автор сочинил в честь него тропарь, кондак и сказание с описанием чудес, творимых подвижником. Приходившие в монастырь богомольцы обязательно посещали часовню и поклонялись образу Маркелла, призывая его в молитвах *«как прославленного святаго»*. Они брали *«из под березы, с того места, которое считают местом его погребения, песок по домам своим»*¹⁸.

В ответ на свой рапорт архимандрит Кирилл получает из Синода указание освидетельствовать тело умершего монаха Маркелла. Официальная процедура проводилась в присутствии специально прибывшего из Александровского монастыря иеромонаха Иоасафа (Маевского), протопопа Троицкого собора в Олонце Петра Гаврилова, местного духовенства и всей братии:

*«Взяв в церковь стоявший в часовне образ Маркелла и разобрав часовню, они выкопали земли на две сажени в длину и ширину и на сажень в глубину; но ни тела монаха Маркелла, ни других погребенных и оставшихся невредимыми тел “не явилось”; открыты были только лежавшие по разным местам три человеческих черепа и кости, но “самых сухих” и, очевидно, “погребенных издавна”, а “тела от тех костей истлели все без остатка”»*¹⁹.

Найденные при раскопках разрозненные костные останки участники освидетельствования не рассматривали как возможные мощи усопшего праведника. В первой четверти XVIII века, как уже отмечалось выше, обязательным признаком святости умершего человека была именно «невредимость» его тела (*«как будто заснул»*).

Синодальное постановление, подписанное 6 апреля 1722 года, определило *«за святаго того Маркелла отнюдь не почитать»*²⁰. Его образ, рукописные тексты молитв и сказание о нем были увезены в Петербург. Остатки разобранной часовни сровняли с землей. Народная традиция почитания монаха Маркелла как местного подвижника была пресечена и со временем забыта: *«в памяти монастыря не сохранилось никаких преданий»*²¹. Обнаруженные в начале XX века в монастырском архиве сведения об этом воспринимались как исторический курьез из далекого прошлого прославленной обители.

Составитель очерка об Александровском монастыре Я. И. Ивановский в 1874 году лаконично сообщает о том, что архимандриту Кириллу пришлось проводить освидетельствование гробниц некоторых местночтимых святых

Олонецкого уезда. При этом, к сожалению, историк ошибся в датировке важного события (не в 1721, а в 1722 году) и его результатах, а также не смог объяснить, «какова цель была у этого освидетельствования»²².

Скорее всего, решение о масштабной проверке мест погребения святых принималось после показательной истории с архимандритом Варлаамом (Высоцким), настоятелем богатого Переяславского Даниловского монастыря. В феврале 1722 года его обвинили в том, что он содействовал почитанию официально не канонизированных Церковью местных подвижников и установил для поклонения верующими в храме выкопанные им «подложные мощи» преподобного Даниила Переяславского [1]. На допросах в Синоде архимандрит сознался в том, что «вынял из под земли человеческия весьма распавшиися кости под именемъ ево Данииловыхъ мощей», поместил их в раку и «вместо груди и рук и ног положил довольно бумаги хлопчатой и башмаки ветхия приложил»²³. Кроме этого, без архиерейского благословения он приказал вскрыть в женском Феодоровском монастыре погребение его строителя Сергия и перенес найденные кости в церковь.

Покаявшийся архимандрит Варлаам избежал сурового наказания только благодаря заступничеству своих духовных детей из ближайшего петровского окружения, Екатерины I и Александра Даниловича Меншикова. Царской волей он был оправдан²⁴. Его красноречивая и пространная исповедь с подробным описанием всех «дерзостей» была размножена и разослана Синодом в назидание архиереям по всем российским епархиям.

После описанных событий Синод 15 марта 1722 года обязал правящих епископов провести освидетельствование всех «подозрительных» гробниц, установленных в городских и монастырских церквях «над не обретенными почитаемых от церкви святых телесами»²⁵. Как показали материалы следственного дела архимандрита Варлаама, в таких гробницах иногда «вместо телес» находились «резные и издолбленные колоды, которые покрыты покровами», и простолюдины к ним «приступают с великим страхом и целуют положенные на тех колодах покровы»²⁶.

В синодальном указе специально подчеркивалось, что поставленные над почивавшими в земле мощами местных святых гробницы должны быть «праздны» (то есть пусты) «ради токмо воспоминания» этих подвижников. По петровскому требованию упомянутые «резные и издолбленные колоды» следовало немедленно изымать и высылать в Петербург, а «оныя гробницы

и раки покрыть досками, на которых бы были иконы тех святых».

Итак, архимандрит Кирилл, будучи «заказчиком» Олонецкого уезда, наблюдавшим за поведением местного духовенства, должен был проверить содержимое гробниц, поставленных над могилами местночтимых святых в основанных ими монастырях. Первыми для посещения он выбрал ближайшие Андрусову пустынь на восточном побережье Ладожского озера и соседние с ней Заднюю Никифорову и Сяндемскую пустыни²⁷. Результаты поездки подробно изложены архимандритом в рапорте от 5 октября 1722 года, написанном на имя архиепископа Феодосия (Яновского)²⁸. Согласно этому уникальному документу, сохранившемуся в фонде Новгородской духовной консистории, настоятель не ограничился полным осмотром местных гробниц (в них не были найдены резные колоды). Он решил действовать так же, как в случае со вскрытием предполагаемого захоронения монаха Маркелла: велел копать большие ямы глубиной в одну сажень (2,13 м), а шириной и длиной по две сажени.

В **Задней Никифоровой пустыни**, расположенной на южном берегу озера Важе, над могилами основателей Геннадия и Никифора стояла небольшая часовня, внутри которой находились две деревянные гробницы, покрытые «пеленами тафтянными с крестами». Сверху на них лежали «двои вериги железные с крестами, в которых весу есть двенадцать фунтов»²⁹. В часовне же хранилось житие игумена Никифора³⁰ и пребывала икона «на красках» схимонаха Геннадия, а «для празднования ему написана вечерня и утренняя и прочая служба»³¹. При раскопках «никаких целых тел не объявилось. А объявилось шесть глав человеческих самых сухих и прочие сухие человеческие кости без тел»³². Из текста рапорта остается неясным, разбиралась ли предварительно часовня или же яма копалась внутри нее.

Что известно о месте погребения основателей пустыни? По преданию, первым здесь обосновался старец Геннадий. В тексте посвященной ему церковной службы упоминается, что он «в пещере пребывал», которую вырыл в песчаном склоне над озером [12: 661]. Ученики похоронили его по средневековому монастырскому обычаю на месте прижизненных молитвенных подвигов, завернув в старую монашескую мантию [4], [10]. Преподобного Никифора, позднее официально основавшего монастырь и получившего в 1557 году царскую жалованную грамоту

от Ивана IV, погребли по его духовному завещанию рядом с преподобным Геннадием.

Деревянная часовня, «*построенная издревле*» на небольшом холме недалеко от монастырских храмов Преображения Господня и Успения Богородицы, упоминается в имущественной описи 1711 года, составленной строителем монахом Зосимой³³. Скорее всего, ее возвели (возможно, восстановили) после страшного разорения Задней Никифоровой пустыни в первой четверти XVII века, когда обе церкви были сожжены «литовцами», а оставшиеся в живых монахи долгие годы «*скитались между дворь*»³⁴. Точные данные о месторасположении могил основателей за прошедшие века могли быть утрачены, и часовню поставили на старом братском кладбище, которое когда-то возникло рядом с погребениями родоначальников. Ее строительство свидетельствовало о начале местного церковного празднования памяти подвижников. Как следует из рапорта архимандрита, особой реликвией Задней Никифоровой пустыни были вериги (железные цепи) преподобных Геннадия и Никифора, которые после их смерти сохранялись в обители для поклонения братией и паломниками.

В **Сяндемской пустыни** в деревянной церкви во имя святителей Афанасия и Кирилла Александрийских, как сообщал архимандрит Кирилл, «*за правым крылосом подле церковной стены*» стояла деревянная гробница, «*покрыта крашениною, да над тою гробницею поставлен был во имя одного игумена Афонасия и образ писанной на доске на красках*». При земляных работах внутри храма были найдены только «*одна глава человеческая и прочие человеческие сухие кости*»³⁵.

Преподобный Афанасий, по преданию, был погребен «*в роци*» на мысу Рощинского озера в последней четверти XVI века. Нет достоверных письменных свидетельств о том, что его могилу когда-либо отмечала часовня. Первая церковь во имя двух святителей над местом погребения подвижника была построена при новгородском митрополите Корнилии, который освящал для нее антиминос 26 сентября 1679 года³⁶. Из более поздней дополнительной надписи на этом антиминосе следует, что после сильного пожара сяндемские монахи восстановили деревянный храм. Его освящал «*соборне*» в мае 1720 года протопоп Троицкого собора в Олонце Петр Гаврилов. Именно в этой новой церкви спустя два года проводил освидетельствование гробницы архимандрит Кирилл³⁷.

Основатель **Андрусовой пустыни** преподобный Адриан, по преданию, был убит местными крестьянами. Его найденное в болоте тело ученики с почестями погребли возле северной

стены каменной Никольской церкви, построенной при жизни подвижника [6: 48–50, 61–66]. Не позднее 1685 года над его могилой была поставлена деревянная часовня³⁸. Архимандрит Кирилл докладывал архиепископу Феодосию:

«*...по левую сторону вне церкви в преждебывшей часовни над погребенным строителем монахом Андрианом построена была деревянная гробница и под той гробницей <...> объявился гроб, а в том гробе верх весь истлел без остатку, а протчая гробница кроме верха была еще цела, толко малое число поверху изгнило, а внутри одного гроба объявилась глава и протчие человеческие сухие кости*»³⁹.

По-видимому, в 1722 году по указанию архимандрита было вскрыто погребение преподобного Адриана. После упразднения Андрусовой пустыни по секуляризационной реформе 1764 года отмечавшая его могилу часовня возле каменного храма стояла до начала XIX века. Внутри нее находился «*ларь для означения, что на том месте погребен первой сей пустыни здешней схимонах Адриан, а по местному названию Андрус*»⁴⁰.

В конце рапорта архимандрит Кирилл просит владыку освободить его от других поездок в дальние монастыри Олонецкого уезда из-за старческой немощи и приближавшейся осенней распутицы⁴¹. Таким образом, проверка гробниц в 1722 году ограничилась посещением трех местных обителей.

В каждом монастыре при освидетельствовании гробниц составлялись подписанные «*сторонними людьми*» акты, согласно которым в раскопанных могилах вещи из органических материалов не были обнаружены. Одежания погребенных монахов уже истлели к тому времени. Иноческие средневековые параманы, представлявшие собой кожаные плетеные ремешки с изображением креста, в документах не упомянуты (возможно, участники освидетельствования не обратили внимания на их уцелевшие фрагменты).

Находившиеся в часовнях и церквях образы преподобных Геннадия и Афанасия настоятель забрал с собой в Александро-Свирский монастырь. Архиепископ Феодосий, однако, требовал присылать в Петербург только «*резные колоды*» в случае их обнаружения внутри гробниц. Выезженные образа олонечких подвижников, скорее всего, вернулись на свои прежние места. Они упоминаются в имущественных описях, составленных при упразднении монастырей Олонецкого уезда при Екатерине II. В Сяндемской пустыни внутри храма святителей Афанасия и Кирилла Александрийских «*за правым крылосом*» пребывал «*писан краски*» образ преподобного Афанасия, а «*над тем образом покров*

полотняной с кистми»⁴². В Задней Никифоровой пустыни «образ преподобнаго Геннадия, на нем два венчика серебряных малых, писан краски», отмечен при описании Преображенской церкви⁴³.

Епархиальное начальство, ознакомившись с полученным рапортом, осталось недовольно своевольными действиями настоятеля Александро-Свирского монастыря, вышедшего за рамки поставленной перед ним задачи. Как говорилось в указе от 18 октября 1722 года из архиерейского разряда, «о свидетельстве умерших и положенных телес в часовняхъ и в других местах и о досмотре их <...> чинить ему дерзновенно не надлежало, а что тако чинил, о том возответствовать»⁴⁴. Как был наказан архимандрит Кирилл, документ не сообщает. После освидетельствования гробниц он возглавлял братскую общину Александро-Свирского монастыря еще в течение десяти лет и умер в декабре 1732 года⁴⁵.

Каким образом беспрецедентные действия архимандрита Кирилла по вскрытию погребений подвижников были восприняты местными монашескими общинами и окрестным населением, неизвестно из-за отсутствия сведений в имеющихся источниках. Народные или монастырские предания об этом значительном событии в жизни мужских обителей не сохранились. Именитые авторы – валаамский игумен Дамаскин (Кононов), Е. В. Барсов, К. А. Докучаев-Басков, создавшие во второй половине XIX века исторические очерки, посвященные Задней Никифоровой, Андрусовой и Сяндемской пустыням, о нем ничего не сообщают⁴⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявленные в фонде Новгородской духовной консистории документы содержат ценные сведения о том, как воплощались в Олонецком уезде петровские нововведения в церковной сфере. Впервые в 1721–1722 годах на его территории по синодальному указу целенаправленно проводилось официальное освидетельствование мест захоронений и гробниц местночтимых подвижников, погребенных в основанных ими обителях. Как видно из документов, архимандрит Кирилл не везде обнаружил единичные погребения, которые в наши дни можно было бы интерпретировать как могилы святых. Сведения о расположении погребений родоначальников монастырей, по-видимому, оказались утрачены. Во второй половине XVII века в Задней Никифоровой и Сяндемской пустынях первые монашеские захоронения уже не имели внешних признаков после разорения обителей во время русско-шведских войн. Из-за неверно выбранных мест земляных работ мощи могли остаться нетронутыми, не попав

в границы раскопанной территории, и до сих пор пребывают *in situ*. Остатки гробовины с фрагментированным костяком были найдены только в Андрусовой пустыни: здесь монахи знали точное место погребения основателя благодаря надежному ориентиру – каменному храму, построенному при его жизни. Выдолбленные сосновые колоды, в которых хоронились подвижники, за долгие десятилетия пребывания в почве, вероятно, не сохранились или находились в плачевном состоянии. Архимандрит Кирилл проводил «непрофессиональные раскопки», поэтому при рытье глубоких ям остатки гробовин могли быть ненамеренно выброшены вместе со снятым слоем земли. Кроме того, по археологическим данным, в XVI веке сохранялась практика грунтовых погребений без гробов (тела покойников обертывались берестой) [11: 69]. Поэтому нельзя полностью исключать вероятность именно такого варианта захоронения основателей местных монастырей. В понимании архимандрита Кирилла и его современников «сухие» черепа и кости «без тел», обнаруженные ими при вскрытии монашеских погребений в Задней Никифоровой, Сяндемской и Андрусовой пустынях, не являлись обретенными мощами святых. Тем не менее результаты проведенного в 1722 году освидетельствования никак не повлияли на сложившуюся традицию почитания преподобных Геннадия, Никифора, Афанасия и Адриана.

Сложившаяся к началу 1720-х годов практика народного поклонения монаху Маркеллу, включавшая молитвенные обращения к его образу, в допетровское время послужила бы достаточным основанием для «местной канонизации» подвижника епархиальным архиереем в чине преподобных иноков и установления ему празднования памяти в Александро-Свирском монастыре. В синодальную эпоху, однако, прославление «новых чудотворцев» уже не находилось в компетенции правящего епископа: для этого требовалась санкция высших церковной и государственной властей.

Выявленные сведения о традициях почитания отцов-основателей монастырей имеют важное значение для изучения агиографии Олонецкого края. Благодаря обнаруженным документам известно, что над могилами подвижников в первой четверти XVIII века «издавна» стояли мемориальные храмы, в интерьере которых пребывали иконы этих святых; в их честь уже существовали молитвенные и агиографические тексты. Все это подтверждает факт установленного к тому времени местного празднования памяти создателей Задней Никифоровой, Андрусовой и Сяндемской пустыней.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рака – погребальное сооружение с останками человека внутри, которое устанавливается в интерьере часовни или церкви.
- ² Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М.: Университетская типография, 1903. С. 269–273.
- ³ В первой четверти XVIII века Олонецкий уезд, образованный в 1649 году, включал территорию Заонежских и Лопских погостов.
- ⁴ Сказание о обретении мощей Преподобного Отца нашего Александра Игумена Свирского Чудотворца // Житие и чудеса преподобного Александра Свирского. СПб.: Царское дело, 1999. С. 131–142.
- ⁵ Ивановский Я. И. Свирский Александров монастырь. Исторический очерк по документам монастырского архива. СПб.: Синодальная типография, 1874. С. 54; Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева, изданный под наблюдением Л. П. Майкова. СПб., 1886. С. 17.
- ⁶ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С. 28–34, 298.
- ⁷ Например, 91-е правило Карфагенского собора 401 года.
- ⁸ Деяния московских соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893. Л. 8 об.
- ⁹ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С. 439.
- ¹⁰ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 5. № 2985.
- ¹¹ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 6. № 3718.
- ¹² Там же.
- ¹³ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. Стб. 450–452. № 391.
- ¹⁴ Ранее архимандрит Кирилл несколько лет успешно управлял в Московской епархии Давидовой Вознесенской пустыней. См.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб.: Изд-во Археологической комиссии, 1877. Стб. 235.
- ¹⁵ Его судили за нарушение богослужебного порядка в царские праздники и присвоение денег, пожалованных лично Петром I монастырской братии. См.: Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII века. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1861. Т. 1. С. 146.
- ¹⁶ Акты о назначении архимандрита в Александров Свирский монастырь. 1719 года (сообщ. А. Воронов) // Олонецкие губернские ведомости. 1890. № 54. С. 548.
- ¹⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. Стб. 450.
- ¹⁸ Там же. Стб. 450–451.
- ¹⁹ Там же. Стб. 451.
- ²⁰ Там же. Стб. 452.
- ²¹ Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Краткая история монастыря с приложением важнейших документов. СПб.: Типография М. Меркушева, 1901. С. 92.
- ²² Ивановский Я. И. Свирский Александров монастырь. Исторический очерк по документам монастырского архива. СПб.: Синодальная типография, 1874. С. 54–55.
- ²³ Титов А. Архимандрит Варлаам Высоцкий (Из архивных дел XVIII века) // Русский архив. 1901. № 3. С. 358.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 72. Л. 9–9 об.
- ²⁶ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 72. Л. 9 об.
- ²⁷ Кроме указанных монастырей в Олонецком уезде, архимандрит Кирилл побывал с проверкой в Введенском Островском монастыре на реке Оять в Новгородском уезде.
- ²⁸ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7–8.
- ²⁹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7.
- ³⁰ «Сказание о преподобном отце нашем Никифоре Важеозерском» впервые было опубликовано в 1889 году. См.: Докучаев-Басков К. А. Преподобные каргопольско-олонецкие чудотворцы // Русский паломник. СПб., 1889. № 49. С. 586; № 50. С. 598–599.
- ³¹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7. Один из списков церковной службы хранится в собрании Е. В. Барсова. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 699.
- ³² ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7 об.
- ³³ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 649. Л. 7.
- ³⁴ Барсов Е. В. Исторический очерк о Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 годы. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 76.
- ³⁵ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7 об.
- ³⁶ В начале XX века он хранился в Олонецком епархиальном древлехранилище. См.: Островский Д. Краткое описание церковных древностей Олонецкого Епархиального Церковного Древлехранилища // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 28. С. 485.
- ³⁷ В краеведческой литературе есть скудные сведения о том, что еще в 1720 году «при копании рва под фундамент» обнаружилось благоухающее «нетленное тело» преподобного Афанасия. Таким образом, реальный факт освидетельствования гробницы мог трансформироваться в народное предание о чудесном событии.

См.: Никодим, архимандрит. Преподобные Александр Свирский и его ученики-подвижники (Исторические сведения о церковном их почитании) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 21. С. 698.

³⁸ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 851. Л. 4 об.

³⁹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 7 об.

⁴⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 18/189. Л. 9а–10; Там же. Оп. 7. Д. 15/1. Л. 4 об.

⁴¹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 8.

⁴² РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 82.

⁴³ Там же. Л. 1 об.

⁴⁴ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Св. 5. Д. 72. Л. 9.

⁴⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 15. Д. 5. Л. 4.

⁴⁶ Ондрусова-Николаевская пустынь. Историческо-статистический очерк. Составлен усердием настоятеля Валаамского монастыря игумена Дамаскина в пользу пустыни. СПб., 1856; Сяндемская-Успенская пустынь: Историко-статистические заметки, изданы усердием А. Устинова в пользу пустыни. М., 1860; Барсов Е. В. Исторический очерк о Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 годы. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 69–84; Барсов Е. В. Андрей Завалишин и его пустынь // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1884. Кн. 4. С. 1–16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. И. Варлаам // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 588–589.
2. Булгаков С. Православие. Очерки учения Православной Церкви. Париж, 1989. 406 с.
3. Герд Л. А. Реликвии в византийском и поствизантийском каноническом праве // Античная древность и средние века. Вып. 40: К 50-летию Уральской школы византиноведения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 60–78.
4. Грузнова Е. Б. Похоронные обычаи на Руси в конце XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2. Вып. 3. С. 153–170.
5. Живов В. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 360 с.
6. Кожевникова Ю. Н. Николаевская Андрусова пустынь. XVI–XX вв. Петрозаводск: VERSO, 2017. 400 с.
7. Кожевникова Ю. Н. Петропавловская Лобанова пустынь: предания о царских дарах // Словесность и история. 2020. № 2. С. 96–111.
8. Кожевникова Ю. Н. Монашество Олонецкого и Каргопольского уездов в эпоху «запретительных» указов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.581
9. Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 577 с.
10. Мусин А. Е. Погребальный обряд древнерусского монастыря: студийский устав, письменные памятники, данные археологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков: Изд-во ИИМК РАН, 1997. С. 85–90.
11. Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 181 с.
12. Пигин А. В. Никифор и Геннадий // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 49. С. 660–663.
13. Рогозный П. Г. Большевики и святые мощи // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 989–1004. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.411
14. Федотов Г. П. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Мартис, 2000. Т. 8. 382 с.

Поступила в редакцию 04.06.2021; принята к публикации 26.07.2021

Original article

Yulia N. Kozhevnikova, Cand. Sc. (History), Research Associate, Vodlozersky National Park (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozevnikova@gmail.com

EXAMINATION OF THE TOMBS OF THE LOCALLY VENERATED SAINTS IN THE OLONETS UYEZD DURING THE PETRINE ERA

Abstract. The author uses new archival documents for a first-of-its-kind study of the official examination of the tombs and burial places of the locally venerated saints of the Olonets uyezd in 1721 and 1722 conducted by Archimandrite Kirill, the rector of the Alexander Svirsky Monastery, under the synodal decree. The identified written sources contain important information about how Peter the Great's church innovations were implemented at the local level. New laws on "non-attested coffins" adopted in the first quarter of the XVIII century violated the pious traditions of venerating

local shrines of numerous Russian monasteries and did not allow diocesan bishops to glorify new ascetics. It turns out that the bone remains discovered during the 1721 and 1722 excavations in the monasteries were not perceived as “imperishable remains” by those conducting the examination. The memorial temples mentioned in the documents, which stood over the graves of the founders of the monasteries, the prayers and hagiographic texts compiled in their honor, as well as the existing icons with the images of ascetics confirm the fact that the local tradition of commemorating the founders of the Zadnyaya Nikiforova, Andrusova and Syandemskaya hermitages of the Olonets Uyezd had been established by the beginning of the 1720s.

Key words: local saints, Peter the Great, monasteries, Olonets Uyezd, Alexander Svirsky Monastery, Andrusova Hermitage, Syandemskaya Hermitage, Zadnyaya Nikiforova Hermitage, relics

Acknowledgements. The article was written as part of the project “Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia” under the “Petrine Era” grant of the Russian Foundation for Basic Research for 2020–2022 (project No 20-09-42034). The author expresses her sincere gratitude to Mark Shakhnovich for his help.

For citation: Kozhevnikova, Yu. N. Examination of the tombs of locally venerated saints in the Olonets Uyezd during the Petrine era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):84–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.660

REFERENCES

1. Alekseev, A. I. Barlaam. Orthodox encyclopedia. Moscow, 2003. Vol. 6. P. 588–589. (In Russ.)
2. Bulgakov, S. The Orthodoxy. Essays on the teachings of the Orthodox Church. Paris, 1989. 406 p. (In Russ.)
3. Gerd, L. A. Relics in Byzantine and Postbyzantine canon law. *Antiquity and the Middle Ages*. Issue 40: The 50th anniversary of the Ural school of Byzantine studies. Yekaterinburg, 2011. P. 60–78. (In Russ.)
4. Gruznova, E. B. The burial customs in Russia in XV–XVI centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2005;3:153–170. (In Russ.)
5. Zhivov, V. The church history of Peter the Great’s epoch: Research and materials. Moscow, 2004. 360 p. (In Russ.)
6. Kozhevnikova, Yu. N. St. Nicholas Andrusova Hermitage. XVI–XX centuries. Petrozavodsk, 2017. 400 p. (In Russ.)
7. Kozhevnikova, Yu. N. The Peter and Paul Lobanova Hermitage: folk legends about royal gifts. *Texts and History*. 2020;2:96–111. (In Russ.)
8. Kozhevnikova, Yu. N. Monasticism of Olonets and Kargopol uyezds in the times of “prohibitive” decrees. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(2):28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.581 (In Russ.)
9. Lavrov, A. S. Sorcery and religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000. 577 p. (In Russ.)
10. Musin, A. E. The funeral rites of Old Russian monasteries: the Stoudios Charter, written monuments, archaeological data. *Ancient monuments. Concepts. Discoveries. Versions*. St. Petersburg, Pskov, 1997. P. 85–90. (In Russ.)
11. Panova, T. D. The realm of death. The funeral rites of medieval Russia in the XI–XVI centuries. Moscow, 2004. 181 p. (In Russ.)
12. Pigin, A. V. Nikephoros and Gennadius. *Orthodox encyclopedia*. Moscow, 2018. Vol. 49. P. 660–663. (In Russ.)
13. Rogozny, P. G. Bolsheviks and the holy relics. *Modern History of Russia*. 2020;10(4):989–1004. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.411 (In Russ.)
14. Fedotov, G. P. Collected works in 12 vols. Moscow, 2000. Vol. 8. 382 p. (In Russ.)

Received: 4 June, 2021; accepted: 26 July, 2021